

Доктор исторических наук Владимир Рафаилович Кабо — этнограф и историк первобытного общества, первобытной культуры и религии, специалист по истории и культуре аборигенов Австралии. С 1957 г. и до отъезда в Австралию в 1990 г. работал в Институте этнографии Академии наук в Москве. Автор 150 научных и научно-популярных работ, в том числе восьми книг. С 1990 года живет в Канберре (Австралия) с женой Еленой Говор, историком и писателем, и сыном Ральфи Кабо.

ВСТРЕЧА С РОССИЕЙ

Я не был в Москве шестнадцать лет — с 1990 года. И вот — декабрь 2006 года, и мне предстоят в России два месяца, из них две недели в Петербурге, а остальное — в Москве. Я не буду говорить здесь о встречах с родными и друзьями... Все мы, конечно, изменились, постарели — кроме моих внуков: они молоды и красивы. Друзья... Многих уже нет. Нет Зори Мелетинского, великого знатока древних мифологий. Нет Валентина Берестова, прекрасного поэта и археолога. Нет Александра Осипова, милого спутника школьных лет. А глядяваясь в лица живых, вдруг узнаешь в них себя — сегодняшнего.

Предлагаемые заметки — ряд не связанных между собою впечатлений и мои размышления по поводу увиденного. Не более. Но, может быть, мне удалось порою увидеть нечто такое, чего не замечают те, кто живет в России постоянно.

Шестнадцать лет назад наш дом — один из множества жилых домов, выросших на юго-восточной окраине Москвы, — был еще очень приличным, чистым, в него было приятно войти, и населяли его культурные, приятные люди. Войдя в него теперь, я ужаснулся. Засыпанные окурками, заплесанные, дурно пахнущие лестницы, выломанные дверцы почтовых ящиков в подъезде, клетка лифта, оклеенная объявлениями, загаженная надписями. Лестничные площадки вокруг мусоропровода покрыты гниющими отбросами, остатками пищи. Впечатление, что содержимое кухонных ведер не доносят до мусоропровода и вываливают прямо на пол. И повсюду — пустые

бутылки. Входы в квартиры напоминают тюрьму или зоопарк: стальные двери, решетки, сложные, хитроумные замки. Каждая квартира — крепость; не метафорическая, если вспомнить известное английское выражение, а самая реальная. Кажется, над домом пронесся ураган, который унес прежних его культурных обитателей, а новые живут в страхе быть ограбленными или убитыми, им уже не до чистоты. Вечерами, а то и днем на площадках нижних этажей топчутся кучки молодых людей, они что-то пьют и обсуждают свои дела. Дым сигарет смешивается с густым матом. Наши соседи оказались молодые вьетнамцы — «остарбайтеры», которыми наводнена Москва. Они постоянно курили на лестнице, оставляя после себя усеянную окурками лестничную площадку и стойкую табачную вонь, проникающую в нашу квартиру через двойные двери.

И в то же время коммунальные службы в доме вполне исправны. Горячая вода, электричество, центральное отопление — все работает. Сантехника можно вызвать по телефону в любое время суток.

Хотя на календаре самое холодное время, зима в этом году выдалась необычно теплой. Уверяют, что такой зимы не было в течение 130 лет наблюдений. Погода в декабре и первой половине января стояла сырая, гнилая, нередко шел дождь или мокрый снег, который тут же таял, и вокруг наших домов устойчиво держалась невероятная грязь. Шестнадцать лет назад это еще можно было оправдать — район новый, небла-

Владимир КАБО

гоустроен, — но теперь! Ничего не изменилось: по обе стороны асфальтовой дорожки, которой идешь от дома к метро или автобусам, — море глубокой грязи. Такой грязи мы не видели уже много лет, с тех пор как уехали из России. А когда температура опускается ниже нуля, грязь превращается в глыбы льда. И к тому же — спасительным асфальтом пользуются не только пешеходы, но и машины, которые выталкивают вас в грязь, в воду по щиколотку, в рыхлые мокрые сугробы или на лед. Пешеход в России — существо второго сорта.

Но стоит проехать на метро сорок минут — и вы оказываетесь в другом мире. Большое впечатление произвела на меня обновленная, восстановленная старая Москва. Реставрированы старые особняки, сохранившиеся городские усадьбы. Реставрированы целые улицы, районы. Обновлены и открыты старые церкви, в часы службы они переполнены, по вечерам сияют огнями, а церковное пение слышно даже на улице. В районах новой застройки выросли новые церкви, сочетающие традиционные архитектурные формы с современными. На Страстном бульваре еще стоит четырехэтажный дом, в котором прошло мое раннее детство. Окна нашей квартиры на четвертом этаже все еще смотрят на прежний Нарышкинский сквер. Сколько раз я проходил мимо этого дома, мимо церкви Рождества Богородицы в Путинках

**Церковь
Рождества
Богородицы
в Путинках**

Путинках, любуясь ее устремленными ввысь шатрами. Но она была мертва. Теперь она снова живет, снова стала домом молитвы, и я впервые в жизни вошел в нее.

Русская православная церковь, недавно еще гонимая, снова, как это было на протяжении столетий, превратилась в государственную, тесно связанную с русским государством, с властью. Зайдите

во вновь отстроенный, вознесенный из руин грандиозный храм Христа Спасителя, с его колоссальным золотым куполом, вновь царящим над Москвой. Великолепие его внутреннего убранства, обилие позолоты мешает молитвенно сосредоточиться, углубиться в себя. Но храм этот предназначен не для этого или, скорее, не только для этого. Перед вами — сама торжествующая государственная церковь. Храм этот — ее символ, и соседство его с Кремлем не случайно.

В России все противоречиво, все двойственно. В восстановлении старины, как и во всем, отразилась современная двулика Россия. Старый Арбат и прилегающие улицы и переулки, кровно связанные с историей русской интеллигенции, больше не принадлежат жившим там когда-то людям — они отданы фирмам, магазинам, ресторанам, обслуживающим богатых иностранцев и доморожденных нуворишей. Остались стены, хорошо отреставрированные, но жизнь из них ушла, ушла интеллектуальная жизнь Москвы, которая еще теплилась в них даже в советские годы, ушел неповторимый дух Арбата, воспетый Окуджавой, — теперь здесь крикливый базар, торжествующий «пир победителей».

То же самое — Столешников переулок, Петровский пассаж: они пусты и холодны, на старых красивых фасадах — названия иностранных фирм, по вечерам сияют гирлянды электрических лампочек, повисшие как паутина над улицей или подчеркивающие архитектуру фасадов, но жизни нет, там, где когда-то проходили толпы, — теперь редкие прохожие.

Вот Спиридоновка и окружающие ее улицы — мир моего детства. По обновленным улицам старой Москвы бродят внимательные к прохожим личности — в советское время они бродили у правительственных особняков, а теперь охраняют новых хозяев, представителей торжествующего капитала. Это уже нынешняя Москва. Впрочем, в сегодняшней России границу между властью и капиталом провести нелегко.

Но по-прежнему прекрасны лежащие под снегом Тверской и Гоголевский бульвары. Бульвары — вот что зимним

метельным днем или в сумерках еще хранит память о той, старой Москве. Память, подобную девственному, еще не истоптанному снегу.

Меня, приехавшего в Россию спустя много лет, поразило изобилие продовольственных товаров. Толпы покупателей в магазинах говорят о том, что у людей есть деньги и есть на что их тратить. Но, по словам наших знакомых, жителей Москвы и Петербурга, такое положение только в городах, да и то далеко не во всех.

Русских по-прежнему отмечает нежное отношение к пище. Может быть, это наследие голодных лет, а может быть особенность национального характера. Вот названия товаров, лежащих на прилавках: «Творожок», «Картошечка», «Тортик». Объявление у входа в ресторан приглашает «отведать борщ с пампушками».

На центральных улицах Москвы — множество дорогих ресторанов и очень мало мест, где можно быстро и сравнительно недорого поесть. В этом Москва сильно уступает даже Петербургу. В Москве популярны кафе другого типа. Сюда приходят «посидеть». Почти все столики заняты — даже днем. Преобладают девушки; иногда — за отдельным столом — молодые мужчины с круглыми, коротко стриженными затылками, что-то таинственно обсуждающие. И невероятно накурено, дым просто стоит в воздухе.

* * *

Книжные магазины... Ничего подобного не было в России уже десятки лет. Непривычного человека ошеломляет обилие книг по всем областям гуманитарного знания. Переиздано почти все значительное, что было опубликовано когда-либо в прошлом философами, историками, писателями, общественными и политическими деятелями России и русского зарубежья. Переведены на русский язык произведения всех выдающихся мыслителей прошлого и современных влиятельных или просто модных западных авторов. Изданы священные книги всех мировых цивилизаций. Библиография книг по мифологии и религиоведению, опубликованных в переводе на русский, огромна. Очень популярны эзотеризм, восточная мистика, теософия. А наряду с этим происходит демифологизация советского идеологического наследия — упомяну хотя бы книгу Юрия Дружникова о Павлике Морозове. В аннотации к этой книге, опубликованной издательством «Русский путь», говорится, что она «обращена к российскому читателю, который хочет знать о прошлом всю правду, и сейчас еще скрывааемую властями». Издаются целые библиотеки мемуарной литературы. Стоят

на полках магазинов роскошные издания, посвященные истории русской культуры, русскому традиционному быту. Наряду с апологетическими жизнеописаниями российских монархов переизданы классические труды Ивана Забелина — «Домашний быт русских царей», «Домашний быт русских цариц». Очень хороша обширная серия дешевых общедоступных книг издательства «Азбука-классика». Появились новые талантливые авторы — назову хотя бы книгу Дмитрия Быкова о Пастернаке.

Переизданы мемуары многих людей, уничтоженных Сталиным. И в то же время выходят книги, авторы которых пытаются оправдать сталинские преступления. Издаются и переиздаются сочинения современных идеологов, выразителей широких общественных настроений — примитивного Олега Платонова, с его «врагами России», «мировой закулисы» и «всемирным иудейским правительством», или Сергея Карамурзы с его идеализацией советского прошлого и отрицанием преступлений сталинского режима. Есть книги, где утверждается, что труд советских заключенных рабов сыграл большую положительную роль в обороноспособности страны в военное время.

Отрицание преступлений Сталина и сталинского режима равносильно утверждению, что никакого Холокоста не было, его выдумали евреи. Гитлеровцы уничтожили миллионы евреев, Сталин и его приспешники — миллионы своих соотечественников всех национальностей; вот и вся разница. В России авторы, отрицающие сталинский Холокост, пользуются уважением, а их книги — большим спросом. И возникает вопрос: а так ли много в России читателей, которые «хотят знать о прошлом всю правду»?

Пользуются спросом и сочинения, в которых история России представлена как история еврейского засилья. Одна такая хорошо изданная книга имеет подзаголовок: «Лекции для президентов». Автор, очевидно, надеется, что российская власть обратит, наконец, внимание на это безобразие и примет решительные меры.

Книжный рынок многолик. Он — зеркало современного российского общества. Отражает он и еще одну грань общественного сознания: я имею в виду псевдонаучные расистские сочинения. Все они, конечно, претендуют на научность — иначе не завоеешь доверие публики. Их авторы сплошь и рядом профессора и академики каких-то мифических академий. Но стоит открыть книгу — и убеждаешься, что концептуально это обыкновенный расизм, по существу ничем не отличающийся от нацистского. То же превос-

ходство арийской расы, только теперь в нее включены и восточные славяне. Но нацистский, гитлеровский расизм — в прошлом, он дискредитирован, Германия через него перешагнула и отбросила, а в России он процветает.

Интеллектуальная жизнь России проходит период «низвержения кумиров». Идолы советского времени сбрасываются с пьедесталов и в буквальном, и в переносном смысле слова. Ведь так хочется, чтобы великий человек оказался таким же, как мы, а может быть и намного хуже. Так нам легче жить. И авторы усердно разоблачают тайные пороки великих людей. Один из примеров — книга Бориса Носика «Тайна Маклая». Миклухо-Маклай был одним из идолов советской эпохи. Оказывается, — уверяет нас автор, — и у него имелся свой тайный порок: он был педофилом. На Новую Гвинею, в тропические леса Малакки, на острова Океании его гнала якобы не страсть ученого-исследователя, а страх, что в Европе его тайный порок будет раскрыт. Факты, о которых говорится в книге, давно известны, они не свидетельствуют о порочности Маклая, образ его искажен до неузнаваемости, до абсурда. И такого в нынешней российской печати немало.

На место одних кумиров, впрочем, приходят другие. Таким стал Лев Гумилев. Его сочинения на исторические и историософские сюжеты претендуют на новое слово в науке, однако, оригинальность их весьма относительна — многое уже было сказано Шпенглером, Тойнби, Чижевским. Они оперируют несколькими квазинаучными концептами: пассионарность, химера, этнос как феномен биосферы. Его глобальные построения — плод его фантазии. Но он подкупает читателя громадной эрудицией, его книги талантливо, порою с блеском написаны и похожи на науку. Массовому читателю вовсе не нужны научный метод и строгая доказательность. Истоки популярности Гумилева в ином: его сочинения чем-то очень затронули глубины массового сознания, ответили на сокровенные его запросы. Исторический материализм никого уже не удовлетворяет, он набил, что называется, оскомину. Гумилев заполнил зияющую пустоту, удовлетворил потребность читающей и размышляющей публики в ином, новом понимании исторического процесса. На место производительных сил пришла солнечная активность — чем это хуже? Не беда, что у него концы с концами не всегда сходятся, это видят только специалисты.

Вот в чем разгадка феномена Гумилева. К тому же он много лет провел в лагерях, ему пришлось выдержать жестокую борьбу с судьбой,

и он вышел из этого испытания победителем. Его поклонники образуют своего рода церковь, объединенную вокруг его имени как святого и пророка.

Я был дружен с Гумилевым в те далекие годы, когда его почти никто еще не знал, и он только-только, еще очень осторожно начал выступать со своими идеями на страницах тонких малотиражных книжек, издаваемых Географическим обществом в Ленинграде. Но уже тогда, на заседаниях Отделения этнографии, он блистал эрудицией, парадоксальностью мышления и язвительным остроумием.

* * *

Бывшая. Ленинская библиотека, крупнейшая библиотека страны, теперь называется Российской государственная библиотека. Из ее залов исчезли многочисленные когда-то бюсты Ленина, однако над главным ее входом все еще сохраняется надпись «Библиотека имени Ленина». И перед тем же входом появился памятник Достоевскому, которого Ленин очень не любил. Читателей в библиотеке стало заметно меньше. В первом, «профессорском» зале — теперь единицы; такого никогда прежде не бывало. Изменились и сами читатели: в основном это молодежь аспирантского и даже студенческого возраста или, напротив, пожилые люди, старики. Исчез «спецхран» — отдел специального хранения, куда поступала иностранная литература, запрещенная цензурой, доступная немногим избранным. Зато в газетно-журнальном зале, как и в советское время, отсутствуют иностранные газеты — здесь традиция сохраняется.

Наряду с богатейшим фондом литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки, в Москве существует теперь Библиотека-фонд «Русское зарубежье», в обширном, прекрасно оборудованном помещении, с уютным читальным залом и хорошим книжным магазином.

А рядом — Театр на Таганке, куда раньше так трудно было достать билет, куда так стремилась оппозиционная интеллигенция — а она почти вся, в той или иной степени, была заражена оппозиционным духом. Теперь в кассе театра можно взять билет на любой спектакль. В чем же дело? Думаю — в том, что театр этот утратил свое прежнее значение левого, оппозиционного, превратился в обычный респектабельный театр. Это видно даже по публике — в ней, в отличие от прошлого, мало интеллигентных лиц. И произошло это потому, что из интеллигенции выветрился этот самый оппозиционный дух, ин-

теллигенция изменилась, увяла, и вместе с нею изменился театр.

Московский Музей изобразительных искусств... Любимые со школьных лет полотна — «Жена вождя» Гогена, «Оперный проезд в Париже» Писсарро с летящим снегом и убегающими вдаль экипажами... Впервые увидел — не была ли она упрятана в советское время в запасники? — картину Франса Мазереля «Красная площадь», созданную в 1935 году: зловещие черные тучи над Кремлем, зубья стены, холодный отчужденный мавзолей. Ощущением страха, оцепенения веет от этой картины. Иностранец, ненадолго приехавший в Москву, художник сумел почувствовать атмосферу террора, в которой жила эта страна.

Спустившись по ступеням, ведущим под землю в самом центре столицы, оказываешься в новом Музее археологии Москвы. Здесь, на глубине в несколько метров, — мост XVII века через реку, которая была когда-то на этом месте. А выйдя снова на площадь, видишь карикатурный памятник маршалу Жукову перед Историческим музеем. И делается обидно за Жукова. Москве в смысле скульптуры в последнее время вообще не везет. Другой, не менее бездарный, но невероятно активный скульптор превратил Александровский сад и набережную реки Москвы — места, дорогие для москвича, — в выставку базарного кича.

И еще один новый музей Москвы — Музей Николая Рериха, разместившийся в старинном дворянском особняке в Малом Знаменском переулке. Музей, посвященный Рериху — художнику и мыслителю: картины, коллекции, вывезенные из путешествий по Центральной Азии. Музей, отражающий современное увлечение восточным мистицизмом, неортодоксальными эзотерическими учениями. Комната, завершающая экспозицию, с портретами таинственных «учителей» и мистическим триптихом Рериха — в сущности, храм, посвященный ему, его культу, храм святого.

* * *

Непривычного человека это сначала шокирует, но потом — привыкаешь. Вот мы спускаемся в подземный археологический музей. Два человека в черной форме с надписью «Охрана» на куртках встречают нас у входа, внимательно и подозрительно осматривают нас, заглядывают в наши сумки и предлагают пройти под П-образным сооружением, какие обычно стоят в аэропортах. Сигнала тревоги не последовало — ни горячего, ни холодного оружия с нами не оказалось — и мы можем теперь спокойно насла-

даться старыми монетами и глиняными черепками, найденными при раскопках.

В Москве толпы милиционеров и охранников повсюду — в мирных музеях и библиотеках, в книжных и продовольственных магазинах; даже в кафе и закусочных торчат эти бездельники в темной форме с надписью «Охрана» на спинах. Кажется, их нет только в общественных туалетах, но, может быть, я ошибаюсь. Куда бы вы не пришли, вас проверяют, как при посадке в самолет. Можно подумать, что Москва находится на военном положении. В мое время в Институты этнографии, археологии, истории можно было пройти свободно. Теперь, чтобы войти в мой Институт этнологии и антропологии или, скажем, в Российский гуманитарный университет, вы должны заручиться приглашением от сотрудника университета, показать паспорт и получить разовый пропуск — только на этот день. Паспорт нужен даже, чтобы проехать по железной дороге из одного города в другой. Сначала его надо показать в билетной кассе, а потом при посадке в поезд. Здесь все и каждый находится под постоянным бдительным контролем.

Говоря о паспорте, я имею в виду не заграничный, а внутренний паспорт, незнакомый гражданам западных стран — тот самый паспорт с пропиской по месту постоянного проживания, который должен был иметь и раньше каждый советский человек. Этот внутренний паспорт нужен жителю России на каждом шагу. Он постоянно напоминает ему, что советское прошлое не ушло от него далеко.

Когда я приехал в Россию, имея лишь российский заграничный паспорт, мне необходимо было получить и внутренний паспорт. Дело в том, что я получил заграничный паспорт, находясь за границей, и теперь я должен был выполнить абсурдное требование бюрократов из российского Министерства иностранных дел — отметить получение заграничного паспорта во внутреннем паспорте и аннулировать запись в первом об отсутствии такого штампа во втором. Нормальный человек понять все это не способен. Но этого мало: чтобы выполнить это требование, нужно было ехать в МИД два раза — первый раз, чтобы оставить там оба паспорта, а еще раз — чтобы забрать их.

Подобные требования сопровождают жизнь российского обывателя на каждом шагу. Они изобретаются для того, чтобы дать работу бесчисленной армии чиновников. В стране господствует бюрократия, ее цепкую власть обыватель чувствует повседневно, он, как муха, барахтается в липкой бюрократической паутине.

Кажется, чиновников в России стало еще больше, чем было в советское время. Тогда при отделении милиции имелся начальник паспортного стола, а всю техническую работу выполняла паспортистка. Теперь, когда я пришел в паспортный стол, чтобы получить новый внутренний паспорт, я увидел большую комнату и в ней множество окошек: за каждым окошком сидела чиновница, и все они были заняты делом, у каждой — свои функции. И много людей сидели в ожидании или толпились у окошек. Нас заставили, стоя у окошка, от руки переписывать висевший на стене образец платежной ведомости с дюжиной замысловатых граф — и это в стране, которая хочет снова стать сверхдержавой.

Из паспортного стола мы пошли в местное отделение банка, чтобы уплатить за новый паспорт. И там — толпа, причем пришлось выстоять в двух очередях: сначала к одному окошку, а потом почему-то к другому. Казалось бы, чего проще — заплатить государству за паспорт, — но так может думать только ничего не понимающий человек, приехавший из-за границы.

* * *

Москва — тяжелый город. Всюду многотысячные толпы, особенно в метро, в его бесчисленных переходах, на перронах в часы пик; протискиваешься в вагон — и там толпа, молчащая, равнодушно отчужденная. Люди тесно прижаты один к другому, но они чужие друг другу. Правда, в вагоне мне почти всегда уступали место — в любой толпе я всегда был самым старым. Я был среди этих людей старейшим жителем этого города, знающим нечто такое, чего не знает никто из них.

Никогда не забуду: молчаливое тысячеголовое чудовище неудержимо движется в сторону перрона по какому-то узкому коридору, и прижатый им к стене жалкий человеческий обрубок — безнужное туловище с большим красным лицом.

Потом мы встречали еще нескольких таких же, собирающих милостыню в переходах метро, в вагонах. Запомнился один — седой, с гордым резко очерченным профилем, без ног, он отталкивался от пола зажатými в руках деревянными дощечками, продвигаясь вдоль вагона. И еще одна встреча. Это был молодой человек в камуфляжной форме и берете, — может быть, ветеран чеченской войны: для афганской он был слишком молод. Безногий, в инвалидном кресле. Двигался он самостоятельно, руками приводя в движение колеса. Въехав на остановке в вагон, он обратился к публике: «Люди добрые, подайте кто сколько может»... И вот он медленно едет вдоль вагона, и люди суют ему измятые бумажки.

Потом я видел в разное время еще двоих — безногих, в камуфляже, в беретах. Один был старше других, с суровым, темным лицом; этот мог быть, пожалуй, ветераном афганской войны.

Возможно, это профессиональные нищие; я не берусь судить об этом. Но если они, действительно, ветераны войн, которые вела и ведет Россия... Можно ли представить себе в наше время, например, австралийского ветерана в роли нищего, собирающего подаяние? Любому австралийцу такая мысль показалась бы дикой. Ни один австралийский ветеран не унижится до того, чтобы просить подаяние у прохожих или пассажиров подземки. Думаю, то же самое и в других западных странах.

Люди, которых встречаешь на улице, в метро — замкнуты, неприветливы. Они не умеют улыбнуться чужому человеку. Вот передо мной в вагоне метро сидит молодая женщина, типичная москвичка, которая стремится не отстать от моды. На ней расшитые цветными узорами джинсы и модные ботинки с невероятно узкими, острыми носами. На пальцах — длинные, острые ногти. Есть в ней что-то от хищной птицы.

И — привычное зрелище: мертвецки пьяный человек, лежащий в переходе метро на грязном полу или на улице, в луже, под зимним дождем. Люди равнодушно проходят мимо.

Массовый алкоголизм остается бедствием России, а теперь еще — и эпидемия наркомании. Вот передо мной две московские газеты, из тех, что распространяются бесплатно — каждый москвич еженедельно находит их в своем почтовом ящике. Многие их страницы посвящены рекламе, самой разнообразной. Газета «Экстра Москва Юг» от 20 января 2007 года наполнена рекламой вот такого содержания: «Большой опыт лечения алкоголизма. Современные методики прерывания любых запоев, в том числе длительных, тяжелых абстинентных состояний». Поясню: абстинентный синдром — тяжелое похмелье. «Медицинский центр «Алкодоктор». Круглосуточный выезд в любой район Москвы и Московской области. Экстренное вытрезвление». «Медицинский центр «Помощь при запоях». «Медицинский центр помощи семье. Вытрезвление. Опытные врачи». «Вывод из запоя. Круглосуточно. Без выходных». «Ассоциация профессиональных наркологов. Весь спектр услуг. Купирование (прерывание) запоя. Гарантийный талон на 12 месяцев». И везде — телефоны, телефоны... А вот другая газета: «Центр. Plus». И опять: «Медицинская фирма «Нарколог». Лечение алкоголизма на дому и в клиниках». «Медицинская фирма «Алгоник». Наркологическая

помощь. Специалисты высокой квалификации». «Медицинский центр «Здоровье и семья». Вывод из запоя. Круглосуточная помощь»... И так далее — без конца. Множество специализированных фирм и медицинских центров. И как навязчивый кошмар, снова и снова напечатанное крупным шрифтом слово «Запой». Спрос рождает предложение — а спрос необъятен.

Реклама — тоже зеркало общества. Она говорит о многом. Какие еще рекламы находим мы в этих московских еженедельниках? Множество реклам, из номера в номер, публикуется под общей шапкой «Оккультные услуги». Что же это за услуги? Вот, к примеру, такая реклама: «Валентина Владимировна Романова. Потомственный маг высшей категории. Приворот мужа без греха и вреда здоровью. Результаты почувствуете в день обращения! Сильнейший отворот за один день избавит вас от соперницы. Муж будет ненавидеть любовницу! Избавлю от измен навсегда. Ставлю неснимаемую защиту от любого колдовства. Гарантия 100 %. Обряды сильнейшие».

Но, оказывается, соперничают и маги. На той же странице — реклама колдуньи-соперницы: «Не делайте приворот! — предупреждает она. — Вы уверены, что это не принесет вреда вам и вашему мужу? Что приворот сделан правильно и муж вернется к вам здоровым человеком? Тимофеева Татьяна Васильевна, основатель и руководитель «Центра семейной конфликтологии» — потомственный маг высшей категории посвящения, дипломированный адепт практической магии. Я помогу вам вернуть мужа, восстановить разрушенную семью. Я верну любимого без вреда для него! Сниму с мужа приворот, сделанный соперницей. Сильнейшая рассора (так! — В.К.) между любовниками навсегда избавит вас от измен. Ставлю неснимаемую защиту. Исправлю работу другого мага. Все проблемы я решаю быстро, четко, без лишней болтовни. Гарантирую быстрый результат уже в день обращения! Даю письменную гарантию».

«Рассору» способна устроить и другая специалистка, «профессиональная потомственная ясновидящая Андреева Анастасия Викторовна»... «Верну любимого, приворожу без греха и вреда здоровью за один день — на всю жизнь! Отворю любовницу вашего мужа. Достаточно одного посещения, и вы больше о ней не услышите! Сильнейшая рассора между любовниками. Работаю с особо сложными, запущенными случаями».

В этой «запущенной» области трудятся не только «центры» — целые академии: «Акаде-

мия любовной магии и семейной конфликтологии. Егорова Ольга Николаевна, потомственная ясновидящая, член Академии оккультных наук, профессиональный маг. Приворожу любимого, верну мужа в семью. Мгновенно прекращу измены и устраню любовницу вашего мужа. Для 100% результата достаточно всего одного обряда! Сниму приворот, сделанный на вашего мужа соперницей, и поставлю абсолютную защиту от ее колдовства. Воздействием на подсознание исключу даже мысль об измене. Улучшу вашу сексуальную жизнь путем коррекции отношений и обряда на привлекательность. Исправлю работу недобросовестных магов и шарлатанов. В особо сложных и запущенных случаях работу над вашей проблемой одновременно со мной будет вести КОВЕН (собрание сильнейших магов России), состоящий из 12 мастеров, имеющих наивысшую степень посвящения в магии. На всю работу дается пожизненная гарантия! Разрешение на работу выдано правительством Москвы!»

Господин Лужков, спасибо вам от лица женщин, покинутых мужьями. Спасибо правительству Москвы за поддержку колдовства — могучего фактора укрепления семьи.

Одна колдунья, понимая, что «воздействия на подсознание» в «сложных» случаях недостаточно, обещает «возврат утраченной привязанности методом инвольтирования, белой магии и вуду».

К сожалению, и в деле укрепления брака случается брак. Одна женщина обратилась в суд с жалобой: она заплатила колдунье-ясновидящей 700 долларов, и муж, действительно, вернулся к ней — но профессионализм колдуньи был, видно, недостаточно высок, муж вернулся импотентом. «Мне такой муж не нужен», — заявляет женщина. Она считает себя обманутой и требует, чтобы колдунья вернула ей ее деньги.

Зато «потомственная ясновидящая» Орлова Лидия Андреевна смотрит в корень. «Секс-привязка» — так называет она свой метод. «Ваш любимый сможет заниматься сексом только с вами. Даю письменную именную гарантию».

Туда же смотрит и Агапова Юлия Борисовна, «наследница уникального дара старинного рода алтайских целителей. Уникальный обряд «Кольцо рабства» дает полную безграничную власть над любимым, мощно привязывает на сексуальном уровне. Конец унижениям и страданиям!»

«Полное уничтожение каких-либо отношений между мужем и любовницей вплоть до омерзения» гарантирует и Николаева Вера Александровна. «Он полностью ваш — мыслями, телом, душой! Навсегда! Теперь будет страдать она, а не вы», — обещает Вера Александровна.

Не довольно ли цитат? Это — только часть объявлений, но каждое читается как поэма. А какое понимание женской психологии, какой бесценный материал для этнографа и социопсихолога!

Такое впечатление, что вы находитесь не в столице страны, которая хочет, чтобы ее считали «великой державой», не в центре науки и культуры, а в глухом захолустье, в какой-нибудь затерянной в лесах африканской или папуасской деревне с соперничающими колдунами. Не страшно ли находиться среди людей, живущих в мире колдовства, белой и черной магии, «приворотов» и «отворотов», «инвольтирования» и вуду, где неизвестные вам колдуны и колдуньи вкупе с двенадцатью «сильнейшими магами России» совершают, без вашего ведома, насилие над вашей волей, воздействуют на ваше «подсознание», превращают вас в безвольного раба — вспомните обряд «Кольцо рабства»? Ведь люди, к которым обращены эти объявления, воспитаны в стране, где издавна привыкли к насилию над человеческой личностью.

Признаюсь, мне было бы страшно. Если в обществе так развито колдовство, если оно так эффективно, как уверяют авторы этих объявлений, — почему же деятельность колдунов должна ограничиваться семейно-брачными отношениями? Она, несомненно, проникает и в другие сферы жизни. Там, где люди верят в действенность колдовства, они тайно обращаются к помощи колдунов и по многим другим поводам — вплоть до самых зловещих.

Можно ли такое общество называть христианским? Ведь почти все эти люди — и колдуньи, и их клиентки — убеждены, что они верят в Бога. В какого же бога они верят?

Женщин, впрочем, можно понять. Вот пишут в газетах, что в сегодняшней России почти каждая вторая женщина одинока, что на тысячу женщин 175 никогда не были замужем, 180 — вдовы, а 110 разведены и не вышли замуж, что в стране женщин на 15 процентов больше, чем мужчин. Пишут, что средняя продолжительность жизни мужчин составляет сейчас 58 лет, ниже, чем в Пакистане, что население России сокращается на 750 тысяч человек ежегодно и к 2050 году будет едва превышать 100 миллионов.

Но могут ли остановить этот процесс даже «сильнейшие маги» России? Способны ли академии «любовной магии» и «окультиных наук» решить демографические проблемы этой страны?

Забудем запои и колдовство, обратимся к чему-нибудь более веселому. Вот страницы объявлений, которые называются «свобод-

ное время» и «досуг». Как же нам предлагают проводить досуг? «Дамы 18 — 60 лет. Уютные апартаменты в любом районе». «Красавицы студентки». «Парни». «Миниатюрные девочки». «Шикарные девушки». «Экзотические девушки». «Леди». «Муллатки-шоколадки». «Негритянки». «Богини любви». «Ухоженная леди». «Азиатская киска». «Куколка-брюнетка». «Дюймовочка-лапочка». Опять «парни». Опять «студентки». Ну и так далее.

В этих объявлениях мало оригинального, все это есть и в других странах. Но вот рекламы двух первых групп — в этих есть что-то очень российское.

В самом деле, что делать слабому русскому мужчине с авторитарной русской женой, которой он нужен «и мыслями, и телом, и душой», и она готова достичь своей цели любой ценой, даже с риском для его здоровья — недаром каждая колдунья обещает вернуть его «без греха и вреда здоровью»? У него два выхода — либо в запой, либо к «дюймовочке-лапочке», которой ничего от него не нужно кроме денег.

* * *

Приехавшего в Россию после длительного отсутствия поражают две вещи: как много изменилось и как мало, в сущности, изменилось — прежде всего в душах людей. Развернулась в невиданных размерах частная инициатива? Да, но люди тянулись к ней всегда, и в советское время, когда ее подавляли, она приобрела уродливые формы подпольной «третьей» экономики. Размеры этой нелегальной экономики были гигантскими, и когда, наконец, запреты были сняты, стихия вырвалась наружу, как джин из бутылки. Но приобрела ли теперь частная инициатива легальные формы? Да, формально она существует легально, но люди, с которыми мы разговаривали в России, уверяют, что в действительности она сплошь и рядом имеет криминальный характер.

Да, многое изменилось, но что означают эти перемены? Вот Манежная площадь в центре столицы. Площадь, куда в годы «перестройки» мы ходили на демонстрации, собиравшие тысячи людей. Сейчас не верится, что это было возможно. Я помню это человеческое море, заполнившее собою всю огромную Манежную площадь. Я помню эту кучку людей на трибуне у гостиницы «Москва» и Юрия Афанасьева, закончившего свое короткое обращение к толпе словами «Да здравствует новая февральская революция!» — дело происходило в феврале или марте. И люди на площади отвечали на это восторженными

криками и посылали угрозы тем, кто укрылся рядом, за кремлевской стеной.

Теперь все стало другим. Стала другой и сама Манежная площадь. Собственно говоря, она исчезла, ее больше нет. На ее месте — огромный подземный комплекс дорогих магазинов и ресторанов, накрытый сверху какими-то куполами, бесчисленными лестницами, решетками, скульптурами. Власть сделала все, чтобы уничтожить самое место, где люди могли бы собраться и угрожать ей, самую возможность собираться и угрожать. Но цель реконструкции бывшей площади этим не ограничивается. Цель состоит еще и в том, чтобы перевоспитать народ, превратить его из гражданина в потребителя, в мещанина, развязать в нем потребительские инстинкты и навсегда вытеснить ими гражданские чувства — и сделать это тем легче, что чувства эти неразвиты и неустойчивы.

Бывшая Манежная площадь — символ того, что произошло за эти годы в России. То же самое мы видим и рядом. Вот, у здания Исторического музея, восстановленные Воскресенские ворота с Иверской часовней, когда-то уничтоженные большевиками. У тех, кто их возродил, цель была не только восстановить исторический памятник, но, прежде всего, затруднить доступ массам людей на Красную площадь. С этой целью и главный вход в Исторический музей перенесен с Красной площади, где он был всегда, в боковой проезд. Власть любыми мерами стремится изолировать себя от народа — которого она всегда презирала и боялась. Она помнит конец 1980-х — начало 1990-х годов и боится их повторения. Она не хочет новой «февральской» революции, какой бы иллюзорной она ни была.

Что же произошло в России за 1990-е годы? Изменились слова, лозунги, названия должностей, но структура власти осталась прежней; изменились внешние атрибуты власти, но сохранилась ее сущность. Просто пришли новые люди, назвали себя по-новому и заняли те же ячейки, сели в те же кресла. И народ остался тем же. Он способен на непродолжительные порывы, но его не хватает на длительные, настоячивые усилия удержать завоеванное. И чем равнодушнее, пассивнее народ, тем настойчивее, агрессивнее власть. Она берет то, чего не может удержать народ. Это верно для любого народа, любой страны, а особенно для России с ее историческими традициями абсолютизма. Неумение сохранить завоеванные демократические свободы и даже простое непонимание, зачем они ему нужны, — русский народ уже показал однажды

в 1917 году и вторично — в 1990-е годы. И я бы не стал винить в этом российскую власть — вина лежит на самом народе. Власть такова, какой она и должна быть при этом народе — пассивном, политически неразвитом, упустившем, как ненужную вещь, главное в демократии — реальную возможность контролировать власть.

Некоторые особенности современного общественного сознания, его отношения к прошлому и настоящему своей страны можно почувствовать в Музее современной истории России. Это, конечно, уже не Музей революции, как он назывался прежде. Портреты народовольцев-террористов, убранные из экспозиции по приказу Сталина, — сам развязавший чудовищный террор, он панически боялся за собственную жизнь, — теперь появились снова. С утверждением советской власти террор «возводится в ранг государственной политики», — сказано в тексте, сопровождающем экспозицию. Но вот мы подходим к 1930-м годам, и тут начинается что-то странное. Репрессии сталинского режима выглядят не органическим явлением советской истории, а всего лишь неприятной подробностью, пятном, которое, увы, испортило величественную картину «социалистической модернизации» и «утверждения новых идеалов общественной жизни». Как если бы два голоса звучали в одном существе, перебивая друг друга, и один из них старался заглушить — и заглушил, наконец, другой.

Я уже отметил обилие в книжных магазинах книг, новых и переизданных, по истории России. Казалось бы, это должно свидетельствовать о всплеске общественного интереса к отечественной истории. В действительности же складывается впечатление, что публика, в массе своей, не знает своего прошлого, равнодушна к нему. Интерес к истории затронул сравнительно узкую часть общества; значительно многочисленнее читательская аудитория псевдоисторических сочинений — вроде романов Бориса Акунина. Люди не только не знают, но и не хотят знать свое прошлое, даже сравнительно недавнее. Чем объяснить такое массовое явление как ностальгия по Сталину и сталинской империи? Объяснений может быть несколько, и одно из них — сознательное, преднамеренное нежелание знать правду об этом времени. Только безумцы, страдающие полной потерей памяти, могут желать его возвращения. Не обязательно обладать собственным опытом, какой имеют многие люди моего поколения, память может опираться на знание истории — не фальсифицированной, не мифологизированной, а реальной. Такой коллективной памятью обладают, например, совре-

менные немцы. Но в России иммунитета против рецидивов прошлого нет.

Насилие над историей — и в книгах, и в журналистике — стало в России повсеместным явлением. Историческое невежество особенно широко распространено среди молодежи. Наш друг, историк, профессор одного из петербургских вузов, не раз делился с нами своими впечатлениями от общения на экзаменах со студентами или с абитуриентами. Так, на одном из последних экзаменов он услышал, что Великая отечественная война была войной России (слово СССР студенты не употребляют) с Германией, которую тогда возглавлял Наполеон, а главной битвой этой войны была битва на Калке. «Такие вот нынче студенты в России, — заключает он, — и до такого уровня опустилось школьное образование».

В современной России, как и в эмиграции, существует многочисленная категория людей, как бы застрявших в прошлом. Это — своего рода «живые ископаемые». Их сознание мифологизировано, они — мечтатели, мечты которых обращены не в будущее, а в прошлое — прошлое их воображения. В эмиграции, где к таким людям принадлежат потомки первой послереволюционной волны, они живут иллюзорными представлениями о «святой Руси», которой в действительности никогда не было. Они ощущают себя верноподданными и давно почивших российских монархов, и нынешней российской власти, к представителям которой относятся с нескрываемым сервизмом. В современной России они психологически сформировались в советское время и продолжают жить в нем, сохраняя в своем сознании все советские мифы и стереотипы. В 2007 году они бу-

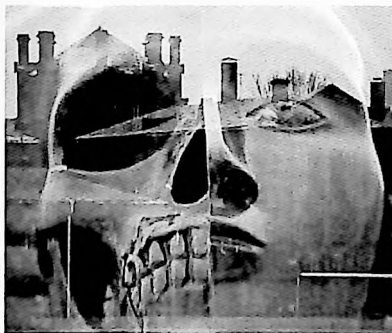
дут торжественно праздновать 90-летие «Великого Октября», забыв о том, что в этом же году исполняется 70-летие 1937 года, на который пришелся пик сталинского «Великого террора».

В Москве, в парке около филиала Третьяковской галереи на Крымском валу, можно увидеть памятники развенчанному советским «вождям» — их свезли сюда из разных мест Москвы. Одни из них стоят, другие повалены. Среди этих монументов ушедшей эпохи — очень величественный Сталин, увы, с отбитым носом. Он включен в символический скульптурный комплекс, посвященный его жертвам: бесчисленные человеческие лица за железной решеткой. У ног Сталина мы увидели несколько полувывающихся гвоздик, положенных каким-то его почитателем. И я не исключаю, что человек, положивший цветы, мог быть потомком кого-то из репрессированных сталинской машиной террора, но, подобно очень многим, забывший или не желающий знать об этом. Он, как и все они, испытывает ностальгию по ушедшей «великой» эпохе.

Памятник жертвам сталинского террора существует и в Петербурге. Два сфинкса, один против другого, с лицами загубленных в тюрьмах и лагерях заключенных. На постаментах — стихи Ахматовой и других поэтов. Памятник поставлен на набережной Невы, носящей символическое название «набережная Робеспьера», против главной петербургской тюрьмы «Кресты» и недалеко от «Большого дома» — центра политической полиции. Согласно легенде, созданной жителями города, здесь, в этом месте, находилась труба, по которой из подвалов Большого дома в Неву стекала кровь замученных или даже спускали их трупы. Автор памятника — Михаил Шемякин. Мы оба — Шемякин в образе древнеегипетских сфинксов, я — в очерке «Народ и власть» («Вечное настоящее»), где я сравниваю Россию при сталинском режиме с Египтом эпохи фараонов и другими древневосточными монархиями, — мы оба, независимо друг от друга, уловили дух этой эпохи.

По словам жителей Петербурга, власти не признают этот памятник официальным памятником жертвам сталинских

Петерский следственный изолятор «Кресты» и сфинкс Михаила Шемякина. Работа Дениса Несмеянова

репрессий, хотя мэр города и дал разрешение на его установку. Цветы к памятнику кладут только правозащитники. И вот это — не отрицают существование памятника, но и не признают его — очень типично для современной России. Более того — памятник систематически разрушается вандалами. Это и неудивительно.

В России, однако, все еще существуют люди и организации, которые, наперекор всему, стремятся сохранить память о прошлом, донести правду о нем, какой бы горькой эта правда не была, как бы не ранила она национальную совесть. Среди этих организаций — островов памяти и совести в океане забвения — общество «Мемориал» и Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова в Москве. Первое стремится увековечить память о жертвах тоталитарного режима, второй ставит своей главной целью утверждение в России гражданского общества и демократических ценностей. Цель, далеко еще не реализованная.

Российская пресса — за очень небольшим исключением, к которому принадлежит «Новая газета», где работала Анна Политковская, — видит свою главную задачу в том, чтобы внушать обывателю нужные начальству сведения и оценки, а информацию, ему негодную, не печатать. Такое впечатление, что она систематически публикует материалы, получаемые «сверху», цель которых — создание положительного имиджа представителей российской власти и негативного образа ее оппонентов внутри страны и за ее пределами.

Придя однажды к московским знакомым, я услышал от них о начавшемся заглушении иностранных радиопередач на русском языке — это было вскоре после убийства в Лондоне бывшего гражданина России, нашедшего убежище в Великобритании. Послевоенное заглушение иностранных радиопередач продолжалось всю холодную войну. Может быть, с возобновлением заглушения иностранного радио началась новая холодная война. Думаю, впрочем, что в наше время заглушение радио — занятие бессмысленное: те, кого интересует объективная информация, могут получить ее в Интернете, а те, кто в ней не нуждается, — а в России к ним

принадлежит, вероятно, подавляющее большинство населения, — не слушают и иностранное радио.

Ощущение холодной войны я неожиданно испытал и на московском почтамте — правда, войны всего лишь с бывшей советской республикой, невольной Москве. Объявление на стене сообщало, что прием посылок в Грузию «временно прекращен».

Россию населяют доверчивые люди, наивно и простодушно верящие всему, что внушает им хорошо организованная система воздействия на умы населения. Они убеждены, что их президент — верующий христианин, образцовый семьянин, что он окружил себя достойными помощниками, что враждебный Запад стремится погубить Россию. Эти люди, очень многие из них, имеют доступ к

Памятник жертвам политических репрессий Михаила Шемякина в Петербурге

Интернету, им доступна западная информация. Очевидно, они сознательно отвергают ее, она им не нужна.

Главной чертой российского обывателя был и остается конформизм — некритическое принятие существующего порядка, господствующих мнений, враждебность к инакомыслию. На выборах он послушно голосует за тех, на кого ему укажут.

В России большую роль всегда играли межличностные, неформальные отношения между людьми. Они всегда были важнее отношений, основанных на формальном праве, на законе. Право и закон здесь заменяют «понятия».

По мере приближения выборов в Думу, выборов президента «политическая» жизнь в стране оживилась. Появились удивительные оппозиционные партии, которые соревнуются в лояльности к власти и благодарят за то, что их допустили к политической деятельности. Эти «оппозиционеры» очень любят начальство, да и как им его не любить: они обязаны ему самим своим существованием. Они представляют собою особый тип русских подхалимов, подхалимаж их тонкий, не грубо-прямолинейный:

— Разрешите, ваше превосходительство, сказать вам прямо, откровенно, по-русски... уж извините за мою прямоту... Люблю я вас, ваше превосходительство... Гений вы, ваше превосходительство... Уж не сердитесь...

Мир еще не видел такой оппозиции. Вот что такое русская демократия. Вот каков уровень политического и правового сознания в стране.

Есть, впрочем, и другие оппозиционные партии — они немногочисленны, не пользуются покровительством начальства и их разгоняют полицейскими дубинками, когда они осмеливаются показаться на улице.

Характер русского народа хорошо выразил Булат Окуджава в песне о мастере Грише, который когда-нибудь придет и наладит жизнь, все исправит, все устроит. Народу очень нужен такой мастер, и когда он, наконец, появляется, люди довольны.

А что же русская интеллигенция? Возникнув в XVII-XIX веках, она стала сословием, невиданным никогда прежде не только в России, но и в других странах. Она была не просто слоем образованных людей, но совестью народа. При отсутствии политической жизни в стране она стала оппозицией правящему режиму, и ее оппозиционная роль сохранялась вплоть до 1917 года. Устами своих писателей, поэтов, мыслителей, публицистов она несла правду о жизни страны и народа, «сеяла разумное, доброе, вечное». Она была носителем духовных и нравственных

ценностей общества, идей демократии, прав и свобод личности. В годы советской власти она была уничтожена — не образованные люди, была уничтожена историческая миссия русской интеллигенции, ее роль и место в жизни страны и народа. Остались интеллигенты, но не стало интеллигенции. В послесталинские 1960-1990-е годы она попыталась возродиться, но на исходе 1990-х годов вновь пришла в упадок, превратилась просто в социальный слой интеллектуалов, людей творческого труда, специалистов в различных сферах деятельности, какой была и в советское время. Ее бывшие демократические идеалы дискредитированы в общественном сознании. Ее прежняя, традиционная миссия более не востребована. Интеллигенции в России — в этой, традиционной ее роли — больше нет, как давно уже нет дворянства и крестьянства. Но исчезновение интеллигенции стало для этой страны непоправимой потерей — духовной и нравственной.

... Никогда не забуду новогоднюю ночь в Москве. Несколько часов без перерыва — вспышки фейерверков, озаряющие черное небо над городом, треск и свист ракет. Все это живо напомнило мне ночи на фронте: там тоже всю ночь вспыхивали осветительные ракеты, рвались мины, трещали выстрелы. Было в этом новогоднем купленном, лишенном подлинного веселья гигантском зрелище что-то истерическое, даже зловещее — недаром всплыло это воспоминание о фронтовых ночах. И никто в этой ликующей, пьяной толпе не вспомнил, вероятно, о том, что в уходящем году, совсем еще недавно, в этом городе, в подъезде своего дома была застрелена женщина — одна из самых отважных женщин в мире.

Отвага этой женщины граничила с безумием. Обыватели прозвали ее «московской сумасшедшей». В старой России людей, осмелившихся говорить власти правду в лицо, называли юродивыми и блаженными, их считали святыми, их именами называли храмы. В центре русской столицы все еще стоит храм, названный в память одного такого «московского сумасшедшего». Но времена изменились. Сегодня народу нужны хлеб и зрелища — и он их получил.

* * *

С первым вечером в Петербурге связана иная, но тоже апокалиптическая картина: промозглые сумерки, пронизывающий холодный ветер, утопающий в грязной снежной слякоти Невский и пылающий посреди него, перед Казанским собором, автомобиль. И отблеск яркого пламени колеблется на стенах домов и на лицах собравшейся посмотреть толпы.

А над Казанским собором — крест, которого не было десятки лет, пока в нем размещался Музей истории религии и атеизма. Теперь атеизм отброшен, музей стал просто Музеем истории религии и находится в другом месте — на Почтамтской. Характер экспозиции существенно не изменился, но другими стали посетители музея. Самый популярный экспонат теперь — большая картина, заказанная кем-то из высших иерархов православной церкви в 1907 году. В центре картины, в луче света, нисходящем с неба, изображены царь Николай II и царица, ниже — верные престолу монархисты, опора трона, узнаваемые по портретному сходству — Пуришкевич и другие, справа и слева — поверженные некой таинственной высшей силой революционеры и бунтовщики с красными флагами. В то время как монархисты и черносотенцы стоят твердо и уверенно, революционеры имеют самый жалкий вид — падают, роняют флаги. Эта поучительная картина особенно популярна среди нынешних монархистов, которые постоянно фотографируют ее.

Когда мы покидали музей, гардебошица, с которой мы разговаривали, настоятельно советовала нам посетить могилу святой Ксении Блаженной на Смоленском кладбище. Эта могила, по ее словам, «православная святыня Петербурга». И это — в недавнем еще музее атеизма! А напротив, на почтамте, продавались иконки с надписью, гарантирующей их святость: «Православная продукция компании Гелио Шаттл освящена».

Храм Спаса на крови в центре Петербурга, на месте убийства царя Александра II народовольцами, в советское время был закрыт, разрушался, его замечательные мозаики гибли, было принято с пренебрежением говорить о его архитектуре. Теперь он полностью восстановлен во всем своем мистическом великолепии. Надо войти внутрь, чтобы почувствовать значительность и высокие художественные достоинства его архитектуры и убранства.

Обладая подобными сокровищами национальной культуры, Петербург, в то же время, очень хочет быть похожим на западный город. Повсюду — рекламы,

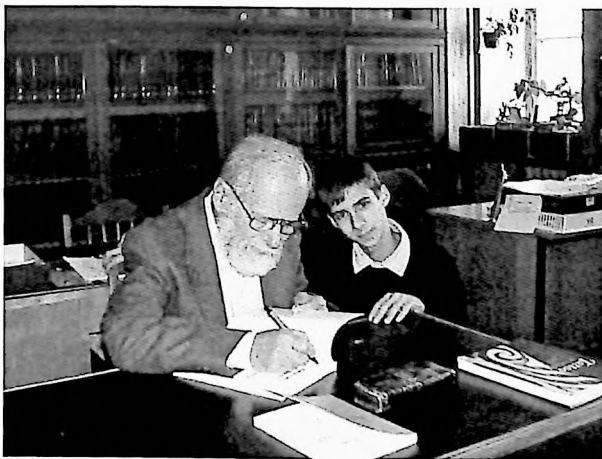

У храма
Спаса на крови

вывески магазинов, ресторанов, смешно коверкающие иностранные слова. Это нелепое подражание Западу ощущается здесь еще сильнее, чем в Москве.

В отношениях между Москвой и Петербургом всегда существовал антагонизм, не исчез он и в наше время. Жители Петербурга говорят: «Мы живем не в России, а в Московском царстве». Но ведь не только Петербург — жертва нынешней централизации, административной и экономической, вся жизнь огромной страны сегодня решается в Москве, и многие проницательные люди понимают, что эта уродливая централизация так же губительна для России, как была в свое время для Советского Союза.

С сыном Ральфи
в библиотеке
Музея
антропологии и
этнографии
в Петербурге,
с которым
связаны двадцать
лет моей жизни
и работы

* * *

Вскоре после приезда в Москву мы с женой едем в Федеральную службу безопасности России — наследницу Комитета госбезопасности. Выходим на станции метро «Лубянка». Название станции заставляет содрогнуться: в советское время слово «Лубянка» было всем понятным синонимом учреждения, откуда люди, попавшие туда, уже не возвращались. Огромный комплекс зданий в центре Москвы. Окна за железными решетками по-прежнему злобеще смотрят на идущих мимо из черной гранитной стены. Вот, кажется, та самая дверь, через которую когда-то ввели и меня...

В приемной ФСБ я пишу заявление: был арестован в 1949 году, осужден на 10 лет, освобожден в 1954, реабилитирован, хочу познакомиться со своим следственным делом. При обыске у меня был изъят мой личный архив — дневники, письма, рассказы, фотографии — и я хотел бы получить его, если он сохранился. Я живу в Австралии, — пишу я дальше, — и прошу удовлетворить мою просьбу во время моего пребывания в Москве: едва ли я смогу приехать сюда еще раз.

Через две или три недели меня по телефону приглашают в читальный зал Центрального архива ФСБ.

Кузнецкий мост. Где-то здесь было то место, куда приходили родственники, чтобы узнать о судьбе арестованных. Обычная дверь обычного старого дома, лестница, еще одна дверь — железная. Звонок. Дверь открывается, заходим. Справа дверь с надписью «Совет ветеранов». Ветеранов чего? Органов КГБ? Прямо — читальный зал. Простор-

ная светлая комната, много небольших столов, каждый для одного-двух посетителей. На стенах — мирные пейзажи. Попытка как-то очеловечить место, где люди встречаются со своей разбитой жизнью. Или с тенью своих близких. В углу — книжный шкаф, на его полках — толстые тома, изданные многочисленными местными отделениями общества «Мемориал» по всей России — «Книги Памяти», — с тысячами, сотнями тысяч имен. Все эти люди — жертвы этого самого учреждения, где мы сейчас находимся.

В комнате, кроме нас, еще одна посетительница, с портативным компьютером и раскрытыми папками на столе.

И вот передо мной кладут довольно толстую серую папку с надписью: «Дело N 3023. По обвинению Кабо Владимира Рафаиловича и Брегель Юрия Эноховича. Начато 7 октября 1949 г. Окончено 6 апреля 1950 г.». Сакральных слов «Хранить вечно», о которых мы столько читали, нет.

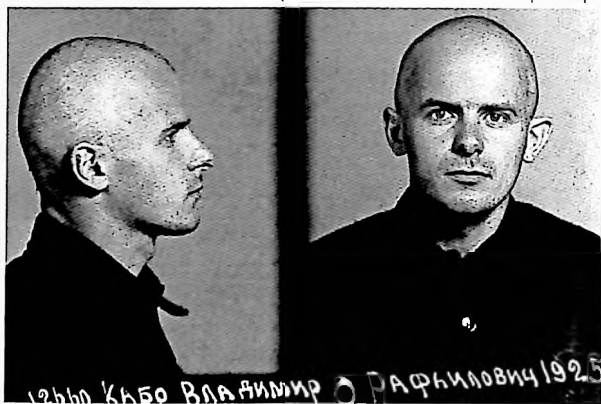
Юрий Брегель — мой школьный друг; мы сохраняли приятельские отношения и в послевоенные годы.

Можно делать выписки и даже заказывать копии — но не протоколов допросов. В папку, однако, вклеено несколько запечатанных конвертов с какими-то недоступными нам документами: конверты открывать нельзя и что там находится — мы не знаем.

Кто же были эти два политических преступника, которыми занималось столь важное — может быть самое важное в стране государственное учреждение? Кто были эти злодеи, подрывавшие устои государственного строя? До войны — школьники, мечтавшие о какой-то неясной им самим политической деятельности в далеком, туманном будущем. Наивные, пустые мечты подростков, не понимающих мира, в котором они живут. Да и не только об этом они мечтали — я, например, много писал, хотел посвятить себя литературному труду. После войны — студенты-историки, всерьез увлеченные наукой и готовившие себя к научной работе. Интерес к политике ограничивался разговорами с друзьями.

Нормальные подростки, нормальные молодые люди, не одуроченные пропа-

Фотография, сделанная на Лубянке в ночь моего ареста. Из моего следственного дела

гандой. Критически мыслящие? Да, но я бы сделал ударение на слове «мыслящие». Потому что это и есть умение мыслить самостоятельно, независимо. А вот это и было их главным преступлением. В этой стране власть всегда видела в таких людях своих врагов. Мы заслужили то, что получили.

Но органам мало было посадить двух студентов — им очень хотелось показать, что им удалось разоблачить целую студенческую организацию. И из нашего дела хорошо видно, как из ничего фабриковалось нечто, как строилось и разваливалось это дело.

Наш следователь Одляницкий пытался «создать» антисоветскую организацию, состоящую из нескольких моих друзей, но в итоге оказалось, что она состоит только из нас двоих — меня и Брегея. Наш приятель Сергей Хмельницкий, — как потом выяснилось, секретный сотрудник органов и провокатор, — согласно протоколам следствия тоже был участником нашей группы, человеком «антисоветски настроенным», но без всяких объяснений из нашего дела выведен и к ответственности не привлечен. Это необъяснимое исчезновение из дела одного из главных участников «антисоветской группы» поражает своим откровенным цинизмом.

Таково, впрочем, и все наше дело. Свидетелей в деле вообще нет. Вещественные доказательства — несколько писем Брегея ко мне, написанные во время войны. Следователь пытался прочитать в них что-то между строк. Мы в своей переписке — утверждается в следственном деле — «в завуалированной форме» обсуждали «план создания антисоветской организации». А прокурор, который пересматривал мое дело в 1950-х годах, пишет, что из писем вообще «не ясно, с какой целью они хотели создать группу», и кстати напоминает, что конспираторы были еще школьниками. Но это было уже после смерти Сталина, когда в созданном им монолите появились первые трещины и начался пересмотр дел по политическим обвинениям.

Нелла, моя однокурсница, писала мне во время каникул, что в книге М. Поли-

евктова «Николай I» она увидела какие-то «неожиданные аналогии» — с чем именно, она не написала. Письмо было взято у меня при обыске и приобщено к делу, но, к счастью, все окончилось для нее благополучно. Еще было найдено у меня письмо Алика Осипова, друга довоенных лет, написанное во время войны — он жил тогда с матерью в Сибири, а я с родителями на Алтае. Алик советовал мне совершить небольшую поездку, послушать, что говорят люди. «Ты увидишь большой красивый мост, у которого подпилены сваи», — писал он. В этом образе следователь усмотрел какой-то намек. Но все обошлось благополучно и для Осипова.

Когда в начале 1943 года меня призывали в армию, по дороге из Ойрот-Туры в Томск мне, действительно, пришлось услышать много нового и неожиданно. Я услышал рассказы о превосходстве германской армии, за которыми звучала едва скрываемая надежда, что немцы одолеют Красную армию и советский строй рухнет.

Следствием вменялось мне в вину и знакомство с «иностранными разведчиками» — Элен Пельтье, дочерью французского военно-морского атташе, студенткой Московского университета, и Питером Келли, британским дипломатом; с обоими меня познакомил Хмельницкий. Обе встречи с Келли происходили в присутствии Хмельницкого и следствию было известно о них только с его слов. В заключении прокурора, про-

Моя встреча с Московским Домом пионеров, в литературной студии которого я провел пять лет, с 1936 г. по 1941 г.

